

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/75/14

В.Н. Кудряшев

МЕЖДУ ЮДОФОБИЕЙ И СИОНИЗМОМ: «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ТРАКТОВКЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ В 1880–1890-е гг.

Рассматриваются различные точки зрения русских либеральных народников на сущность и причины антисемитизма и юдофобии, доминировавшие в русском обществе второй половины XIX в. Автор акцентирует внимание, что «еврейский вопрос» трактовался в народнических изданиях как один из самых острых и сложных аспектов межнациональных отношений в Российской империи. Демонстрируется в целом негативное отношение либеральных народников к антисемитизму и сионизму как крайним проявлениям национализма при наличии существенно расходящегося понимания о путях его преодоления.

Ключевые слова: еврейский вопрос, антисемитизм, юдофобия, сионизм

Интерес российских социалистов к еврейскому населению, его проблемам, взаимоотношениям с другими народами 1860–1870-е гг. носил спорадический характер. В любом случае «еврейский вопрос» по степени обсуждения значительно уступал «польскому» или «малорусскому». Ситуация радикально меняется после еврейских погромов 1881 г. Массовость и ожесточенность антиеврейских выступлений заставили представителей всех течений, во-первых, осознать наличие «еврейского вопроса» как острой и актуальной проблемы, требовавшей реакции правительства и общества, и, во-вторых, попытаться разобраться в их причинах. Еврейские погромы случались и ранее, но внимания общественности не привлекали. Возможно, это объясняется тем, что предыдущие эксцессы рассматривались исключительно как межэтнические конфликты. Теперь же в погромах искали социальные причины, и в условиях нарастания напряженности в обществе, взбудораженном активизацией революционного движения, они воспринимались как предвестники более глобальных катаклизмов.

Либеральное народничество в оценке событий 1881 г. и в отношении к «еврейскому вопросу» заметно разделилось. Выделялись три основные точки зрения. К первой группе можно отнести В.В. Бирюковича, В.Г. Короленко, С.Н. Кривенко, Б.П. Онгирского, Н.В. Шелгунова. Их статьи носили очевидно апологетический по отношению к евреям характер и имели целью опровергнуть юдофобские настроения, царившие в русском обществе вообще и в публицистике в частности. И.И. Каблиц демонстрировал откровенный антисемитизм. С.В. Южаков старался придерживаться центристских позиций.

Народники-реформаторы указывали на предвзятость юдофобов, пытавшихся доказать, что евреи являются абсолютно чуждым элементом в российском

обществе, изгоями среди многонационального и поликонфессионального российского населения, стремящимися своими действиями ослабить российскую государственность. На этом основании они отказывают евреям в возможности обретения политического равноправия, грозящего большим простором для проявления последними «антигосударственных инстинктов» [1. С. 655]. В.В. Бирюкович призывал не демонизировать евреев, подчеркивая отсутствие принципиальных отличий иудаизма от других религий, исповедовавшихся народами России. Иудаизм был не более нетерпим и агрессивен к иноверам, чем ислам и католицизм. Чтобы доказать обратное, юдофобы произвольно выдергивают цитаты из Талмуда, сознательно игнорируя исторические обстоятельства, в которых они писались. Подобные технологии, по мнению публициста, способны любую религию представить как агрессивную и нетерпимую к представителям других конфессий. Поэтому он не приемлет политику двойных стандартов, проводимую в отношении иудеев, лишенных элементарных прав, которыми российское законодательство наделяет остальные народы [Там же].

Публицист указывал на лицемерие консерваторов, призывавших к солидарности с угнетенными славянами и создававших для помощи южным славянам международные благотворительные организации, но в аналогичной деятельности международных еврейских союзов видевших реализацию зловещих планов по установлению мирового господства. Он задается вопросом: почему приветствуется солидарность славянская и вызывает подозрения и неприязнь солидарность еврейская [Там же. С. 656, 659–660]. В условиях активной миграции многие представители национальных диаспор организуются для оказания поддержки своим народам. Они активно выступают против национальной дискриминации на своей исторической родине,

и подобные явления сочувственно воспринимаются международной общественностью. Поэтому аналогичные действия еврейских организаций, справедливо критикующих правительства стран, где притеснения евреев приобрели характер целенаправленной политики, не должны восприниматься как антигосударственные, имеющие какие-либо преступные политические цели [1. С. 661–662].

Гипертрофированная еврейская солидарность, противостоящая остальному миру, по мнению народников, в современных им условиях скорее являлась результатом воображения юдофобов, нежели реальностью. Далеко зашедшая социальная, культурная дифференциация евреев, в том числе и в России, уже достаточно разрушила этот некогда замкнутый социум [Там же]. Тем большее недоумение вызывали у публицистов принятые правительством нормативные акты, укреплявшие кагалность еврейских общин. Вместо поощрения включения евреев в общие процессы они укрепляют с помощью силы государства власть религиозных лидеров и тем самым способствуют искусственному поддержанию изоляции евреев [1. С. 680–681; 2. С. 37].

Дискутируя с публикациями в консервативных изданиях, социалисты категорически не соглашались с изложенной в них трактовкой причин еврейских погромов. Прежде всего народники отвергали якобы устойчивую идиосинкразию русских к евреям как к народу. Русский народ, всегда отличавшийся толерантностью, никогда не проявлял ненависти к другим национальностям. Тем более нелепым, по их мнению, выглядела апелляция к биологической детерминанте межнациональных отношений [3. С. 100–101; 4. С. 148].

Социалисты надеялись убедить читателей в том, что антисемитизм является уделом националистов, сосредоточенных в нескольких консервативных журналах, но не распространен среди русского народа. По их мнению, для формирования антисемитизма на уровне массового сознания не было причин. В любом случае сохранение русским народом лидирующих позиций в российском многонациональном государстве будет зависеть от его способности к сплочению этого многонационального сообщества. Такую задачу Н.В. Шелгунов выдвигает как весьма важную и актуальную, учитывая, что представители великорусской национальности являлись уже меньшинством среди всего населения России. Но при этом русская этничность проявляет редкую живучесть, мягко ассимилируя другие народы и впитывая их черты. Он верил в интегрирующие способности русских и не видел реальных угроз их доминированию [5. С. 68–69, 74].

Как основную народники-публицисты рассматривали версию об экономических причинах антиеврейских настроений. Анализируя информацию о погромах, они приходили к выводу, что чаще всего погромщики уничтожали имущество евреев, не покушаясь на их жизнь. Данные факты, по их мнению, подтверждали отсутствие идиосинкразии к евреям вообще, а только ненависть к евреям-эксплуататорам [2. С. 27; 3. С. 102]. Таким образом, в событиях, происшедших на юге России, публицисты видели извращенную форму социального протеста, неорганизованного, стихийного,

ударившего как по виновным, так и по невинным [3. С. 100–108; 4. С. 148].

Либеральные народники отвергали обвинение в неспособности евреев к производительному труду, считая, что предыдущие попытки еврейской колонизации провалились только из-за неудачной их организации царскими чиновниками. В условиях интенсивного развития российской промышленности достаточно создать для евреев равные с представителями других народов возможности, чтобы убедиться в обоюдной пользе подобных мер [2. С. 37, 60; 5. С. 63–64].

Публицисты настаивали на стремлении евреев к преодолению отчужденности и включению в общероссийские социальные, экономические и культурные процессы. Без поддержки государства, опираясь на собственные ресурсы, они развивают систему начального образования, достаточно успешно борясь с неграмотностью. Даже губернаторы отмечают возрастающий позитивный вклад евреев в экономическое развитие западных губерний России. На этом фоне тем более странно выглядят призывы консерваторов к недопущению отмены антиеврейских законов. Между тем Россия уже проигрывает в сравнении с европейскими странами по уровню эмансипации евреев. Особенно это заметно на примере польских земель, входивших в состав Германской империи и граничивших с Россией. Евреям здесь были дарованы такие же права, как и другим подданным кайзера, что обеспечило их активное участие и большой вклад в прогресс региона и Германии в целом [6. Стб. 833–834, 838].

В.В. Бирюкович считал евреев неотъемлемой частью российского этнического и социально-политического пространства. Он отвергал идеи о чужеродности евреев в российской многонациональной общности. Представителям юдофобских кругов, подчеркивавших, что евреи являются «пришлыми» и не имеют исторических корней, привязанности к определенному историческому ареалу на территории России, он напоминал о появлении их в восточно-европейских землях еще до образования Киевской Руси. И в этом плане евреи ничем не отличаются от других народов, присоединенных к России в результате ее территориальной экспансии. Наконец, ликвидация национальной дискриминации необходима для создания сильного и процветающего государства, так как это единственный путь недопущения межнациональной вражды, сепаратизма [1. С. 687–688].

С данной позицией откровенно контрастировали работы И.И. Каблицы (Юзова). «Еврейский вопрос» публицист подчеркнуто выделял в «отношениях русского племени с другими национальностями». Причиной тому – стремление найти корни устойчивой неприязни к евреям во всех слоях русского общества, регулярно прорывавшейся в приступы острой ненависти в ходе еврейских погромов. И.И. Каблиц отказывал евреям в наличии национальных черт – прежде всего национальной территории и языка, именуя их «расовой группой». Напоминая о распространении еврейского расселения практически по всей Европе, он отмечал их сосредоточенность исключительно на занятии торговлей. Игнорируя производственную деятель-

ность и фактически паразитируя на других народах, евреи вынужденно мимикрировали к этнографической среде обитания. На примере Франции, Англии и Германии делалась попытка показать, как евреи, проживающие в этих странах, стремятся слиться с местным населением, используя язык страны проживания, учитывая особенности одежды и быта, и как результат – отличия евреев от европейцев сохраняли исключительно внешний (расовый) и религиозный характер.

Публицист обнаруживал существенные различия в поведении еврейских диаспор в Западной Европе и России. В России евреи упорно не желали вживаться в местную этнографическую и языковую среду. Непонимание у публициста вызывал тот факт, что в данном случае речь не шла о стремлении сохранить элементы первозданной культуры и языка. Переселившиеся в основном из Германии евреи продолжали использовать искаженный немецкий язык, а выдававшаяся за национальную еврейскую одежда в реальности была вариацией средневекового немецкого костюма. Таким образом, публицист обвинил евреев в нежелании адаптироваться к российскому обществу и учитывать «этнографические особенности тех, среди которых они заняли свое место» [7. С. 375–376].

По его мнению, причиной острой неприязни к евреям, выливавшейся в погромы, были не только и не столько межнациональные или конфессиональные различия. В апелляции народного антисемитизма к религиозной традиции И.И. Каблиц видел «только желание народа освятить религиозной санкцией свою вражду к евреям, выросшую совсем на другой почве» [Там же]. Так же и сами евреи, указывая на многовековую традицию христианской ненависти к иудеям в подтверждение национально-религиозных корней своего бедственного положения в России, не желали обнаруживать истинных причин конфликта. И.И. Каблиц возвращал евреям обвинение в национализме. Еврейская публицистика уже традиционно базировалась на идеях космополитизма, старательно прививая ее интеллигенции страны проживания. Между тем сами еврейские диаспоры отличаются крайним национализмом, стремясь сохранить еврейские общины от проникновения инородных элементов и влияния извне. Ссылаясь на мнения теоретиков сионизма и юдофилов, публицист пытается показать, что отношение евреев к другим народам всегда базируется на идее богоизбранности еврейского народа. Здесь становится очевидной противоречивость суждений И.И. Каблицы. Достаточно сложно увязать его утверждение об отсутствии национальных черт у евреев с подобным обвинением в наличии у них идеологии национального превосходства. Но сам народник считал оба утверждения вполне коррелирующими между собой, оправдывая призыв к полной ассимиляции евреев как непризнанием их национальностью, так и полагая тем самым устранить презрение евреев к неевреям, являвшееся поводом к еврейским погромам [Там же. С. 377–379].

Русский народ отличался высокой степенью толерантности, умел забывать и историческую вражду, и историческую обиду. Несмотря на прошлую вражду, русские и татары вполне мирно уживаются во многих

регионах России, особенно на востоке и юго-востоке. Об этом же свидетельствует сосуществование русских крестьян с «язычниками и магометанами». Поэтому публицист делает вывод, «что сущность ненависти к евреям, порождающей беспорядки, составляет их общественный паразитизм». В то же время классовая ненависть к эксплуататорам, безусловно, усиливалась этнической неприязнью. Как уже отмечалось, вину за нее И.И. Каблиц всецело возлагал на евреев и указывал на «единственный выход из того неестественного положения, которое занимают среди нас евреи, – полное этнографическое их слияние с коренным населением» [Там же. С. 376–377]. Поскольку национальная идентичность евреев стерта и искажена, то он не обнаруживал в своем предложении нарушения национальных прав.

Основной способ искоренить и предотвратить погромы народник выводил из своего видения социальной природы отношений русских и евреев. В отличие от других социалистов, И.И. Каблиц не признавал наличия социальной дифференциации среди евреев. Поэтому евреи выступали у него исключительно ростовщиками, кулаками, и именно в ликвидации еврейской эксплуатации ему виделась возможность радикального решения проблемы. Стремясь к объективности, публицист указывал причиной эксплуатации не только корыстолюбие как национальную черту евреев, но прежде всего общественные условия. Изменение общества в направлении устранения социальных корней эксплуатации представлялось кардинальным решением, но требовало длительного времени [Там же. С. 388]. Народник предлагал целую серию экономических, технологических мер (общественно-творческих мероприятий), которые, в его представлении, должны были повысить способность русских крестьян противостоять засилью евреев-шинкарей, арендаторов.

Вместе с тем он соглашался с целесообразностью сохранения административных ограничений и был противником отмены в ближайшей перспективе черты оседлости. Он писал: «...мы не можем сочувствовать дозволению евреям селиться повсеместно, пока это дозволение не будет сопровождаться юридическо-экономическими мерами, способствующими русскому народу стать в независимое экономическое положение, при котором немислима была бы еврейская эксплуатация». И.И. Каблиц оправдывал данные ограничения тем, что они были направлены не против всех евреев, а только тех из них, «которые стремились вглубь России как на непочатую почву для эксплуатации. Евреям-ремесленникам, вместе с некоторыми другими категориями евреев, открыт доступ во все места» [Там же. С. 393]. Поскольку публицист был убежден, что борьба за отмену черты оседлости имела целью снятие ограничений для евреев-торговцев, он не видел позитивных последствий данного шага, кроме выгод для самой еврейской буржуазии. Сохранение ограничений, конечно, ухудшало положение евреев, но, как достаточно цинично отмечал И.И. Каблиц, перенаселение и чрезмерная конкуренция, возможно, подтолкнет часть евреев к занятию производственной деятельностью: «...скученность и неравноправность евреев – тяжелая и горькая школа, но еврейство обяза-

но пройти ее, чтобы привыкнуть, хотя мало-помалу, к производительным занятиям» [7. С. 401].

Обращаясь к борцам за ликвидацию черты оседлости, публицист предлагал рассмотреть проблему снятия ограничений на расселение евреев не только с позиций защиты прав евреев, но и вспомнить об интересах коренного населения. Народник делал акцент на праве народа решать вопрос о запрете или дозволении евреям селиться в определенной местности. Передавая непосредственно крестьянским общинам полномочия разрешать трудящимся евреям селиться или изгонять эксплуататоров, как он полагал, можно было не только оградить крестьян от гнета, но и предотвратить погромы. Возвращаясь к идее необходимости полной ассимиляции евреев, И.И. Каблиц считает, что это будет означать их отказ от исключительно торгово-ростовщической деятельности и может явиться условием снятия ограничений на жительство [Там же. С. 406–407].

Публицист иронично-скептически относился к переселенческому движению, возникшему в еврейской среде. Он утверждал, что переселение евреев в Азиатскую Турцию, в Северную Африку не даст ожидаемых результатов. Евреям придется жить в отсталых обществах с народами, куда менее толерантными, чем россияне. Эмиграция в Северную Америку бесперспективна с точки зрения качества самих переселенцев, не обладающих необходимыми навыками и квалификацией, потребными в условиях индустриализации [Там же. С. 415–416].

В № 8 «Русского богатства» за 1883 г. в разделе «Внутреннее обозрение» была опубликована статья И.И. Каблица «Вопросы национальности в государстве», являвшаяся сокращенным вариантом раздела книги «Основы народничества» [8]. Здесь повторялись ее основные положения, но в более сжатом виде. В статье становится очевиднее экстремизм народника, приветствовавшего ассимиляцию более слабых народов более сильными. Особенно это относится к еврейскому вопросу. Радикализм идей И.И. Каблица, по-видимому, разделяли не все члены редакции журнала, что и было высказано в предисловии к статье [9].

С.Н. Южаков в своих работах демонстративно дистанцировался как от юдофилов, так и от юдофобов, олицетворяя центристскую позицию. Точка зрения С.Н. Южакова по еврейскому вопросу интересна тем, что он обращался к данной проблеме неоднократно на протяжении десятилетий и старался показать изменения, происшедшие в самой еврейской среде и в отношении к ней государства и общества. Наиболее крупными, носившими аналитический характер, были статья «Еврейский вопрос в России», опубликованная в «Отечественных записках» (№ 5 за 1882 г.), и «Дневник журналиста», вышедший в № 8 «Русского богатства» за 1896 г.

Первая работа С.Н. Южакова была связана с еврейскими погромами, прокатившимися по югу России в 1881 г. Видимо, поэтому, определяя, что «антиеврейское движение носит всеобщий для России характер» [10. С. 4], он локализует его пределами Малороссии и иллюстрирует примерами Одессы, Харькова и т.д. Тем не менее тревогу публициста вызывают именно

массовый характер погромов и опасность вовлечения в конфликт новых районов. Он задается вопросом о причинах устойчивой и сильной ненависти к евреям, проявлявшейся у представителей разных народов России и разных социальных групп. Анализируя освещенные проблемы в российской публицистике, С.Н. Южаков констатирует господство двух крайних точек зрения – юдофобской и юдофильской. Публицист, ставя целью определить пути решения конфликта, разбирает позиции обоих направлений именно с точки зрения адекватности предлагаемых мер.

Очевидно, что у него не вызывал неприятия тезис юдофобов, возлагающих ответственность за погромы на самих евреев. Но сохранение и тем более усиление административных мер, которые, по мысли юдофобов, должны были бороться с еврейской эксплуатацией, он считал бессмысленным. Евреи-предприниматели легко обходили формальные запреты, но использование ими незаконных методов приводило к еще более изощренным способам угнетения трудового народа. Опыт реализации запретительных мер, по мнению С.Н. Южакова, показал их полную несостоятельность, поскольку вопреки им продолжались и усиление еврейского влияния в экономике, и расширение регионов его экспансии [Там же. С. 4–7]. Вернувшись к еврейскому вопросу спустя 12 лет, народник еще более укрепился в своей уверенности о необходимости ликвидации черты оседлости как неэффективной меры, не создававшей препятствий экспансии еврейского капитала [11. С. 164–165].

Также неэффективным виделось народнику и предложение о принудительном выселении евреев за пределы Российской империи. Не оспаривая морально-этические аспекты самой процедуры выдворения еврейского населения, он ставит под сомнение ее экономическую целесообразность. Попытка избавиться таким образом от «мироедов и эксплуататоров» приведет к бегству еврейских капиталов и замедлению темпов экономического развития России. Эмиграция евреев-бедняков никоим образом не будет способствовать решению проблемы борьбы с еврейской эксплуатацией [10. С. 11–12].

Оспаривая позицию юдофилов, народник возражает против попытки возложить всю вину за погромы на малоросских крестьян, якобы ослепленных вековой ненавистью к евреям, вызванной религиозной и национальной рознью. Он отказывается сводить причины погромов только к невежеству и ксенофобии крестьянской массы, поддававшейся на провокации социалистов и националистов [Там же. С. 5]. Вина за отчужденность и замкнутость евреев отчасти лежит на них самих. С.Н. Южаков соглашался с приписываемым евреям стремлением к самоизоляции, высокомерием и неприязнью к представителям других народов. И эти качества нельзя было объяснять, как это делали юдофилы, только реакцией на многовековые гонения и стремлением сохранить религиозную и национальную самобытность. Он призывал не демонизировать и не идеализировать евреев. Среди евреев, как и в любом другом народе, находилось достаточно проявлений стяжательства, стремления к порабощению ближнего. Но народник также видел среди евреев проявления

честности, порядочности, социальной ответственности и поэтому возражал против предложений об ужесточении ограничений прав евреев в области образования. Постепенное вовлечение евреев в жизнь российского общества, устранение их изолированности, в том числе через приобщение к русской культуре, должно было стать одним из способов избавления от антиеврейских настроений. Апелляция юдофилов к защите еврейских традиций, религии трактовалась им как стремление к консервации невежества и самоизоляции [10. С. 15–19].

В «Дневниках журналиста» 1896 г. народник подтвердил свою убежденность в необходимости скорейшего обеспечения равенства евреев с остальными подданными Российской империи. Он отмечал, что юдофобы, защищая репрессивные мероприятия против евреев, ссылаются на «невежественность, замкнутость и фанатизм еврейской массы». Следовательно, необходимо облегчить евреям доступ к образованию, ликвидировать ограничения на прием в средние и высшие учебные заведения, устранив тем самым препятствия для их адаптации в российском обществе. С.Н. Южаков призывал активнее привлекать евреев с высшим образованием, особенно врачей, к замещению должностей в земских службах. Публицист осуждал принятое в 1894 г. решение Петербургского земства, закрывающее доступ евреям-врачам на земские должности. По его мнению, это противоречило общегосударственному законодательству, уравнивавшему в правах евреев, получающих высшее образование, с остальными российскими подданными [12. С. 121–122].

Посчитав призывы юдофобов к ужесточению репрессий против евреев как нации эксплуататоров и призывы юдофилов к усилению репрессий против «крестьян-погромщиков невинного еврейства» необоснованными и, главное, не решающими проблему, С.Н. Южаков предлагает принципиально иной подход к искоренению причин еврейских погромов. Как уже отмечалось, публицист не отрицал существования феномена еврейской эксплуатации. Более того, делая экскурс в историю Малороссии и Польши, он показывал, что она имеет многовековую традицию [10. С. 11–12]. Но эксплуатация не имеет национального характера. Ее усиление – результат вступления России в эпоху капитализма. Эксплуатация сама по себе не несет негативного смысла, если рассматривать ее как стремление получить прибыль на вложенный в средства производства и наемных работников капитал. Точно так же эксплуатацией наемного труда занимаются русские капиталисты. Другое дело, что евреи в силу существующей «союзности», т.е. стремления к сотрудничеству и взаимопомощи, успешнее используют преимущества рыночной экономики, расширяют производство и, соответственно, становятся эксплуататорами все большего числа работников. Кроме того, для начальных стадий капитализма характерны более жесткие формы эксплуатации и массовое обнищание населения. Поскольку «пионерами капитализма» часто выступают евреи, то в результате создается впечатление, что причиной тяжелого положения рабочих и крестьян являются не экономические факторы, а злонамеренность евреев-предпринимателей. На самом деле еврей-капиталисты

используют те условия, которые установлены российскими законами. Поэтому следует ликвидировать предпосылки экономической несправедливости, приводящие к обнищанию крестьян и бесправию рабочих. Таким образом, в еврейских погромах С.Н. Южаков видит выражение социального протеста, еще идеологически не оформившегося и пока направленного против конкретных эксплуататоров. Но нерешенность социально-экономических проблем рано или поздно приведет к гораздо более масштабным и кровопролитным выступлениям [Там же. С. 25–26].

Затем публицист практически дезавуирует данный вывод, указав, что национальный аспект в вопросе о еврейской эксплуатации, безусловно, присутствует. Он иронично относится к существованию тайных кагалов для обеспечения экономического доминирования евреев. Но, по его мнению, еврейская буржуазия использует обособленность и изолированность евреев для поддержания «союзности» в борьбе с конкурентами других национальностей. Вековой опыт выживания в условиях враждебной среды обрел новое содержание в условиях развития капитализма, когда возобладали принцип «выживает сильнейший». Поэтому в еврейской среде всячески поддерживается идея об особенностях евреев, исключительной враждебности представителей других национальностей [Там же. С. 29, 31]. То есть самоизоляция евреев в современных ему условиях виделась народнику уже не столько реакцией на национальные и религиозные гонения, сколько осознанной идеологией, позволявшей евреям, поддерживая друг друга, выживать и развиваться в условиях становления капитализма. В результате социальной дифференциации, свойственной становлению капитализма, общество все более отчетливо распадается на предпринимателей-эксплуататоров и наемных работников. Но еврейская союзность приводила к тому, что большинство евреев становилось капиталистами, а сохранение замкнутости формировало «еврейский союз для эксплуатации» [Там же. С. 18–19]. С.Н. Южаков рассматривал данный феномен как важный элемент еврейского вопроса, характерный для Малороссии и Польши и решаемый только в результате ликвидации крайних форм эксплуатации населения.

Вернувшись к проблеме еврейской самоизоляции в работе 1896 г., народник подтвердил свое мнение, что еврейская обособленность и экономическая союзность сыграли негативную роль в провоцировании погромов. Он признавал, что само по себе явление солидарности «достойно и высоко нравственно... но в условиях места и времени оно является фатальным образом вредно по отношению к большинству и представляется источником раздора и вражды» [11. С. 163]. Характер проявления исследуемого феномена зависел от факторов необходимости и выгоды. Необходимость союзности создавалась многолетними гонениями на евреев и поддерживается репрессиями, выгода же определяется возможностью занять господствующие позиции в экономике в условиях переломного периода формирования новых общественных отношений.

В работе 1882 г. был очевиден акцент на однородность евреев, воспринимаемых народником как «ев-

рейский союз для эксплуатации». В более поздней статье он приходит к выводу об отличии положения евреев России и европейских стран (Германии, Франции, Англии) в ходе капиталистической трансформации. В Европе евреи составляли абсолютное меньшинство населения, что позволяло им, используя союзность, «выбиться наверх, войти в буржуазию и не дать никому из своих затеряться среди рабочей массы» [11. С. 163]. Численность евреев в России составляла около 4 млн человек, и, по мысли публициста, большинство из них волеется в ряды пролетариата. Подобное развитие событий «необходимо создает и постепенно накапливает антагонизм интересов и внутри еврейского народа». Это вносило коррективы в отношении к евреям, поскольку требовало дифференцировать и отделять интересы трудящегося большинства и соплеменников-эксплуататоров. И только такое изменение политики по отношению к евреям, основанное на учете изменений в самой еврейской среде, могло «привести к решению еврейского вопроса, конечно, при непременном условии совершенной полноправности, полной терпимости и распространения просвещения» [Там же. С. 167].

Исследуя еврейский вопрос, народник убеждался, что юдофильство и филосемитизм – реакция евреев на бесправие и гонения со стороны власти и общества, поэтому они являются своеобразным отражением таких общественных явлений, как юдофобство и антисемитизм. Но все эти явления были проявлениями национальной и религиозной нетерпимости и исключительности. Как уже отмечалось, в 70–80-е гг. XIX в. в российском общественном мнении доминировали юдофильский и юдофобский подходы в отражении еврейской тематики, которые С.Н. Южаков считал одинаково вредными. Но в 90-е гг. XIX в. соотношение составных элементов еврейского вопроса значительно изменилось: «...антисемитизм и филосемитизм выросли оба и качественно, и количественно, сделавшись поэтому и значительно зловернее, вредоносность эту по необходимости проявляют не с одинаковой силой» [Там же. С. 160]. Филосемитизм представлялся публицисту более опасным явлением, чем юдофильство, поскольку, будучи движением реформационным, втягивает в себя элементы, по существу склонные к просвещению и прогрессу, в то время как юдофильство откровенно использовало консервацию религиозного невежества и культурной изолированности евреев [13. С. 160–161].

Главной угрозой в восприятии публициста стал антисемитизм, превратившийся в общеевропейский феномен, и поэтому главное внимание и забота общества должны быть сосредоточены на «этой гнойной язве современного поколения не в одной России» [Там же. С. 160]. С.Н. Южаков указывал, что юдофобия была направлена против еврейской ортодоксальности, приверженности традиционной самоизоляции, основанной на сохранении примата религиозных догм в духовной сфере евреев. Антисемитизм вызывает ненависть ко всем евреям как народу, вне зависимости от приверженности их традициям или восприятию европейской культуры [12. С. 123]. Антисемитов, в отличие от юдофобов, не особенно интересовали религиозные

споры, они видели зло «...не в талмуде, не в каббалистике, не в цадикизме даже, а в самой расе». Истинный антисемит относился, по его мнению, с одинаковой ненавистью и к крещеному еврею, и к талмудисту. Более того, «для них просвещенный еврей еще опаснее и вреднее ортодоксального» [11. С. 161].

Народник считал антисемитизм одним из проявлений крайнего национализма и видел в его распространении общую тенденцию экспансии данной идеологии, проявившуюся в XIX в. практически во всех европейских странах. По мнению С.Н. Южакова, антисемитизм проник в Россию из Германии, поэтому публицист призывает внимательнее присмотреться к его особенностям в этой стране. Народник обращает внимание на очевидное сходство между германским антисемитизмом и славянофобией (и русофобией в том числе). В основе антисемитской идеологии лежала теория о всемирном еврейском заговоре и стремлении поработить человечество «суровому и бессердечному игу высокомерного еврейского меньшинства», относившегося ко всему нееврейскому человечеству с презрением, почти как к низшим животным [Там же]. Но германские националисты используют «тех же призраков», чтобы запугать немецкого обывателя славянской угрозой. Поэтому в Германии «антисемит всегда славянофоб вообще, русофоб в частности». С.Н. Южаков предлагает задуматься над этим русским антисемитам, считавшим себя истинными патриотами [12. С. 123–124].

Еще одним результатом перемен в еврейском вопросе стало появление сионизма. С.Н. Южаков писал что, в 60–70-е гг. XIX в. еврейский вопрос определялся воздействием двух факторов: еврейской неполноправности, завещанной «временем религиозной нетерпимости и гонений», и еврейской отчужденности и замкнутости, «которые были созданы еврейской идеей мессианизма, гонениями евреев, взаимной религиозной нетерпимостью и питались затем невежественностью». Правление Александра II породило надежды на решение вопроса, так как, по мнению С.Н. Южакова, это была эпоха «постепенного, но постоянного расширения прав евреев». Распространение среди евреев образования увеличивало среди них слои, «чуждые нетерпимости и фанатизма». Результатом перемен стало нарушение единства в еврейской среде, которая разделилась на две части: «ортодоксальную массу и просвещенное, приобщившееся к европейской культуре меньшинство». В самом российском обществе возобладало понимание необходимости предоставления евреям равноправия. Разногласия проявлялись лишь в определении темпов процесса эмансипации. Поэтому общественные дискуссии сосредоточивались на частных вопросах, и «падение талмудической исключительности представлялось делом такого же близкого будущего, как и исчезновение последних следов неполноправности евреев» [14. С. 163].

Поворотным пунктом стали погромы 1881 г., в корне изменившие сознание евреев в России и возбудившие брожения в еврейской среде. Сила сионизма в том, что он обращается не к уму, а к сердцу, чувствам обиженных многовековыми гонениями евреев. Ужас погромов, антисемитское движение отразились прежде всего

на религиозном сознании просвещенного еврейского меньшинства. До этого совершенно равнодушное к вопросам веры, оно «вдруг выделило из своей среды течения, которых обида, переживаемая столь неожиданно, заставила вспомнить о своей религии, которая одна и является родным для еврея, не сумевшего найти родное себе в родине, населенной столькими обидчиками». Несмотря на столь неблагоприятные обстоятельства, многие из них нашли «в историческом отечестве (т.е. в России – В.К.) это родное». Но значительная часть евреев задалась целью обрести свое особое отечество. «Поиски родного, потребность иметь родное и неумение сродниться с историческим отечеством породили и религиозную реакцию в культурном еврействе, и еврейский национализм. Эфемерность первого движения и значение второго можно было предвидеть с самого их возникновения», – писал С.Н. Южаков [14. С. 167].

Отрицательное отношение С.Н. Южакова к сионизму определялось тем, что, по его мнению, оно отвлекало евреев от правильного пути – постепенной ассимиляции, растворения в русском обществе. С точки зрения С.Н. Южакова, фальшь сионистского движения заключается в его псевдонационализме, поскольку евреи не являлись национальностью, а только народом, соединенным вероисповеданием. Возвращаясь к своей идее о том, что национальная идентичность предполагает не только этническое родство, но и ряд других признаков, публицист пытается убедить читателей в их отсутствии у евреев. Например, евреи лишены национального языка, поскольку собственно древнееврейский язык не используется вне религиозных ритуалов. Фактически родными и общеупотребляемыми для еврейских диаспор стали языки стран проживания. Подобная мимикрия наблюдается в литературе, искусстве, нравственных идеалах и культуре вообще. Поэтому публицист был убежден, что «родина еврея, его язык, культура – там, где он находит себе родное, – в том европейском обществе, с которым он связан исторически» [Там же. С. 163, 178]. Более того, опираясь на работы Э. Ренана, народник полагал, что тысячелетия проживания евреев среди других народов привели не только к культурно-языковой ассимиляции, но и к утрате расовой чистоты. Даже по внешним признакам евреи стали ближе к европейскому, нежели семитическому типу. Таким образом, отказывая евреям в праве претендовать на собственную национальную идентичность, С.Н. Южаков видел главную задачу в преодолении замкнутости и отчужденности евреев от народов, с которыми их связала историческая судьба.

«Мечту о переселении девяти миллионов человек ремесленников и торговцев с многочисленными семьями в страну, едва ли способную прокормить более миллиона», уже занятую другим народом, находящуюся под владычеством «могущественной варварской орды», он находил странной. То, что тысячи умных и образованных людей «не только серьезно обсуждают эту смешную утопию, но собирают средства на ее осуществление... находят все новых и новых adeptов, переносят движение в среду самой ортодоксальной массы», представлялось ему отвлечением сил,

умов от настоящего решения проблемы. Отсюда – и весьма категоричный вывод: «сионизм – движение реакционное, возникшее в ответ на реакционное же движение антисемитское» [Там же. С. 178–179]. Гораздо продуктивнее было бы направить совместные усилия евреев и россиян на создание условий для социальной адаптации еврейской бедноты в условиях ее пролетаризации путем просвещения и установления контактов с рабочими других национальностей. Но, выражая сомнение в реализуемости программы сионистского движения, народник подчеркивал, что оно в любом случае оставит свой след в истории евреев [Там же. С. 163, 180].

В № 1 «Русского богатства» за 1898 г. было опубликовано письмо под псевдонимом «Еврей». Оно было откликом на статью С.Н. Южакова о сионизме. Автор письма выражал сожаление о непонимании всегда благожелательно настроенным по отношению к гонимому еврейскому народу публицистом действительных целей сионистского движения, результатом чего стала несправедливо негативная оценка. Прежде всего, он не разделял убеждения народника в том, что причиной ненависти к евреям были экономический антагонизм и религиозное отчуждение, и избавление от них будет происходить в результате роста экономического благосостояния и культуры населения России. Обращаясь к примеру Германии как высокоразвитой в культурном и экономическом плане страны, оппонент подчеркивал отсутствие каких-либо позитивных сдвигов в отношении к евреям. Точно так же прогресс общества других передовых стран Европы не уничтожил там господства юдофобии. Единственная возможность для евреев избавиться от участи вечно гонимых – обрести свою землю, так как наличие собственной территории является непременным условием признания за нацией права на существование и обретения своего места среди других наций [15. С. 175–176].

Опровергая утверждение С.Н. Южакова о реакционном характере сионизма, «Еврей» писал, что идея обретения национального очага уже 2 000 лет таится в глубине народной души как мистический идеал, как фантастическое верование, обставленное чудесами. Задача сионизма – не переселение девяти миллионов людей в Палестину, а создание материального и духовного центра, который поднимет бы престиж евреев в глазах европейских народов и возвысит бы их в их собственных глазах. При этом речь шла об обращении к религиозным догматам и искусственному восстановлении устаревших традиций. «Еврей» указывал на требование сионизма стремиться к физическому возрождению и возвращению к земледельческому труду, но равно и к духовному возрождению «на почве европейской культуры... свободы мысли и нравственного усовершенствования, осуществления благороднейших задач, которые ставит себе современное культурное человечество в области труда и социальных отношений» [Там же. С. 177].

«Еврей» категорически оппонировал утверждению С.Н. Южакова об отсутствии у еврейского народа признаков нации. Он утверждал, что еврейский язык не являлся мертвым языком, так как широко использо-

вался евреями в повседневной жизни, на его основе была создана богатейшая литература. Важнейшим фактором существования еврейской нации стала ее тысячелетняя история, тысячелетние совместные страдания миллионов евреев. Только одного элемента действительно не доставало для еврейской национальности – территории, на которой она могла бы «развивать свои материальные и духовные силы, и в этом и вся историческая аномалия существования еврейской национальности» [15. С. 178]. Сионизм, по его мнению, и стремится положить конец этой аномалии.

В том же номере журнала был опубликован ответ С.Н. Южакова. Народник допускал, что и в самом деле сионисты ограничивают свою задачу переселением только одного-двух миллионов евреев из девяти, но и эту задачу он считал нереализуемой в обозримом будущем. Главное в неприятии сионизма заключалось в выдвижении им ложных целей и ненужных приоритетов. Поэтому отрицался базовый тезис в статье «Еврея», что только народ, имеющий свою территорию, пользуется уважением и признанием со стороны других народов. Уважение и признание, по его мнению, появляются только на почве взаимного понимания и взаимного сочувствия. Сионизм же, как он считал, возрождает чувство еврейской обособленности и тем самым «уменьшает взаимное понимание и взаимное сочувствие между евреями и европейскими народами» [16. С. 179–180].

С.Н. Южаков стремился показать вредность планов переселения не только для евреев, но и для экономического и культурного развития России, поскольку они означали отток трудоспособного и образованного населения, дефицит которого был и так заметен [17. С. 141].

Дискутируя с идеологами сионизма, публицист оценивал его как одну из разновидностей национализма и поэтому не скрывал своего негативного отношения, не принимая объяснения о сионизме как национализме принципиально нового типа, пробуждающем в евреях чувство человеческого, а не национального достоинства. Для него «национализм – враг человечества». Любовь к своему народу нельзя путать с национализмом: «Да, национализм имеет свою логику, и тот, кто желает служить делу правды и совести, делу принципов, должен себя тщательно оберегать от всякого общения с национализмом и его логикой. Самая горячая любовь к своему народу не есть еще национализм, а вполне естественное чувство, которое, если еще не отравлено ядом национализма, не ведет к отчуждению от прочего человечества, а, скорее, скрепляет симпатию к другим народностям. Национализм, сам чуждаясь других народностей, ведет к недоверию» [Там же. С. 144].

Антисемитизм – тоже один из вариантов национализма. Он проявлялся в тех странах Европы, где происходит эскалация националистических настроений против любых национальных меньшинств. Антисемиты всегда враждебны и другим народам. Германские антисемиты – славянофобы, французские – германофобы, русские – «полны вражды к полякам, балтийским немцам, финнам, армянам». Поэтому с антисемитизмом-национализмом нельзя бороться с помощью сионизма-национализма. Национализм искореняется только солидарностью народов. Приумножая национализм, невозможно победить антисемитизм: «Где национализм, там процветают исключительность, нетерпимость и гонения. Национальная исключительность одних вызывает национальную исключительность других в ответ первых. Это естественно, и так вырос сионизм, но не все естественное бывает разумно, и постепенно накапливающаяся национальная исключительность в среде евреев неизбежно будет иметь те же последствия, как и всякая другая, т.е. будет вызывать ответную исключительность» [Там же. С. 144–14]. Евреи смогут победить антисемитизм, только сближаясь с другими народами, но не изолируясь от них. Для справедливого решения еврейского вопроса в России поэтому необходимы сотрудничество прогрессивно мыслящих евреев с единомышленниками-неевреями, подавление обеими сторонами националистических инстинктов и сосредоточение на общечеловеческих ценностях.

Еврейский вопрос разделил русских социалистов. При этом «граница» проходила отнюдь не по линии раздела революционных социалистов и реформаторов. И в том и в другом течении присутствовали представители, занимавшие антисемитские позиции [18. С. 92–96]. Отрицая наличие у евреев национальных черт, они полагали ассимиляцию благом и для евреев, и для народов, среди которых они проживали. При этом революционные социалисты и реформаторы, эксплуатировавшие тезис о преобладании среди евреев представителей эксплуататоров, тем не менее выступали за ликвидацию дискриминационных ограничений для евреев. Даже на их фоне выделялись взгляды И.И. Каблицы, полагавшего антиеврейскую политику правительства адекватной.

Однако не следует считать, что антисемитизм доминировал в русской социалистической мысли. Большинство народников либерального направления считали евреев одним из народов Российской империи, имевшим равные с другими права на национальное и социальное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкович В.В. Политическое и экономическое положение евреев в России // Русское богатство. 1883. № 12. С. 655–690.
2. Ленский Б. [Онгировский Б.П.] Еврей и кулак // Дело. 1881. № 9. С. 27–60.
3. По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1883. № 9. С. 100–118.
4. Короленко В.Г. Письмо В.С. Соловьеву 22 октября 1890 г. // Собрание сочинений. М.: Гослитиздат. 1956. Т. 10. С. 148–149.
5. Шелгунов Н.В. Внутреннее обозрение (Еврейский вопрос) // Дело. 1881. № 6. С. 61–79.
6. Шелгунов Н.В. Право на существование // Сочинения. СПб.: Тип. Н.Н. Скороходова, 1895. Т. 3. Стб. 817–841.
7. Юзов (Каблиц) И. Основы народничества. СПб.: Тип. И.А. Лебедева, 1893. Т. 2. 509 с.
8. И.Ю. [Каблиц И.И.] Вопросы национальности в государстве. Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1883. № 8. С. 164–185.
9. Предисловие к статье «Вопросы национальности в государстве» // Русское богатство. 1883. № 8. С. 163–164.
10. Южаков С.Н. Еврейский вопрос в России // Отечественные записки. 1882. № 5. С. 1–35.

11. Южаков С.Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 8. С. 154–170.
12. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 4, отд. 2. С. 101–128.
13. Южаков С.Н. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 12, отд. 2. С. 148–167.
14. Южаков С.Н. Дневник журналиста. Сионистское движение среди евреев // Русское богатство. 1897. № 12. С. 161–180.
15. Еврей. По поводу статьи г. Южакова о сионизме // Русское богатство. 1898. № 8, отд. 2. С. 174–179.
16. Южаков С.Н. Еще к вопросу о сионизме // Русское богатство. 1898. № 1. С. 179–180.
17. Южаков С.Н. Политика // Русское Богатство. 1903. № 11, отд. 2. С. 134–145.
18. Кудряшев В.Н. «Черный передел», «Народная воля» и еврейский вопрос: реакция русского народничества на еврейские погромы 1881 года // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 92–96.

Viacheslav N. Kudriashev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

BETWEEN JUDOPHOBIA AND ZIONISM: "THE JEWISH QUESTION" IN THE TREATMENT OF LIBERAL PEOPLE IN 1880s–1890s

Keywords: Jewish question, anti-Semitism, judophobia, zionism.

The author draws attention to the reflexive nature of the interest of Russian journalism, including populism, in the problems of inter-ethnic relations in the Russian Empire. The massiveness and ferocity of the anti-Jewish uprisings in 1881 forced representatives of all trends, firstly, to realize the existence of the "Jewish question" as an acute and urgent problem that required a reaction from the government and society and, secondly, to try to understand their causes.

It should be emphasized that liberal populism in its assessment of the events of 1881 and its attitude to the "Jewish question" was markedly divided. Three main points of view can be distinguished. The first group includes V.V. Biryukovich, N.V. Shelgunov and others. They considered Jews an integral part of the Russian ethnic and socio-political space and insisted on the elimination of national discrimination necessary to create a strong and prosperous state, seeing in this the only way to prevent interethnic hostility and separatism.

The article notes the view of I.I. Kablits (Yuzov), the publicist, who denied Jews the presence of national traits - primarily national territory and language, calling them a "racial group." Recalling the spread of Jewish settlement practically throughout Europe, he noted their focus exclusively on trade. He agreed with the expediency of maintaining administrative restrictions and was opposed to the abolition of the Pale of Settlement in the near future.

The author shows a compromise approach of S.V. Yuzhakov to the problem. Arguing with the ideologists of Zionism, the publicist assessed it as one of the varieties of nationalism, and therefore did not hide his negative attitude. For him, "nationalism is the enemy of humanity" and anti-Semitism is also one of the variants of nationalism. Jews will be able to defeat anti-Semitism only by drawing closer to other peoples, rather than by isolating themselves from them. For a fair solution of the Jewish question in Russia, therefore, it was necessary to cooperate with progressively minded Jews with like-minded non-Jews, suppress nationalistic instincts by both sides and focus on universal values.

In conclusion, the author emphasizes that the Jewish question splitted the liberal populists. Among them there were representatives with anti-Semitic positions. Denying the presence of national traits among the Jews, they considered assimilation to be a blessing both for the Jews and for the peoples among whom they lived. Many publicists supported the thesis about the predominance of the exploiters among the Jews, nevertheless, they advocated the elimination of discriminatory restrictions on Jews.

But it should not be assumed that anti-Semitism dominated Russian socialist thought. Most of the liberal populists considered Jews one of the peoples of the Russian Empire, who had equal rights with others to national and social development.

REFERENCES

1. Biryukovich, V.V. (1883) Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie evreev v Rossii [Political and economic situation of the Jews in Russia]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 655–690.
2. Lenskiy, B. [Ongirskiy, B.P.] (1881) Evrey i kulak [The Jew and the Kulak]. *Delo*. 9. pp. 27–60.
3. Anon. (1883) Po povodu vnutrennikh voprosov [Regarding internal issues]. *Otechestvennye zapiski*. 9. pp. 100–118.
4. Korolenko, V.G. (1956) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 10. Moscow: Goslitizdat. pp. 148–149.
5. Shelgunov, N.V. (1881) Vnutrennee obozrenie (Evreyskiy vopros) [Internal Review (The Jewish Question)]. *Delo*. 6. pp. 61–79.
6. Shelgunov, N.V. (1895) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. N.N. Skorokhodova. pp. 817–841.
7. Yuzov (Kablits), I. (1893) *Osnovy narodnichestva* [Fundamentals of populism]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. I.A. Lebedeva.
8. I.Yu. [Kablits, I.I.] (1883) Voprosy natsional'nosti v gosudarstve. Vnutrennee obozrenie [Questions of nationality in the state. An internal review]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 164–185.
9. Anon. (1883) Predislovie k stat'e "Voprosy natsional'nosti v gosudarstve" [Preface to the article "Issues of nationality in the state"]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 163–164.
10. Yuzhakov, S.N. (1882) Evreyskiy vopros v Rossii [The Jewish question in Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 5. pp. 1–35.
11. Yuzhakov, S.N. (1896) Dnevnik zhurnalista [The diary of a journalist]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 154–170.
12. Anon. (1894) Khronika vnutrenney zhizni [The chronicle of inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 4. pp. 101–128.
13. Yuzhakov, S.N. (1894) Khronika vnutrenney zhizni [The chronicle of inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 148–167.
14. Yuzhakov, S.N. (1897) Dnevnik zhurnalista. Sionistskoe dvizhenie sredi evreev [The diary of a journalist. Zionist movement among the Jews]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 161–180.
15. Anon. (1898) Evrey. Po povodu stat'i g. Yuzhakova o sionizme [Jews. Regarding Mr. Yuzhakov's article on Zionism]. *Russkoe bogatstvo*. 8. pp. 174–179.
16. Yuzhakov, S.N. (1898) Eshche k voprosu o sionizme [More on the issue of Zionism]. *Russkoe bogatstvo*. 1. pp. 179–180.
17. Yuzhakov, S.N. (1903) Politika [Politics]. *Russkoe bogatstvo*. 11. pp. 134–145.
18. Kudryashev, V.N. (2011) "Black Repartition", "People's Will" and the Jewish question: the reaction of Russian populism to the Jewish pogroms of 1881. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 92–96. (In Russian).